

Алекс Мара

Судьба за меня
ПРЕДАТЕЛЬ

Алекс Мара

Предатель. Судьба за меня

«Автор»

2026

Мара А.

Предатель. Судьба за меня / А. Мара — «Автор», 2026

– Детка извини, но это кольцо не для тебя. Мне пора жениться. Родители давно нашли для меня девушку из нужной семьи. Связи, влияние это бизнес, Эмма. Но ты не волнуйся, между нами ничего не изменится. Ты же знаешь, как сильно я тебя люблю. Знаешь, да?***Я влюбилась в Марата, а он женился на другой, правильной и выгодной. Я забеременела, а он приказал избавиться от ребёнка. Я выжила, справилась, не сломалась, хотя было больно и страшно. Да и судьба подарила мне неожиданную встречу, которая всё изменила. И вот тогда Марат вернулся.

Содержание

1. Внезапно	5
2. Сложно	7
3. Больно	9
4. Важно	11
5. Сильно	13
6. Устало	16
7. Близко	18
8. Без слов	20
9. Издалека	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Предатель. Судьба за меня

1. Внезапно

В близости с мужчиной главное не техника, не страсть и не привычка. Главное – понимание. Не формальное и не то, что проговаривают словами, а то, что читается между ними. Когда он ещё не коснулся тебя, а ты уже знаешь, что он сделает именно то, чего тебе хочется. Когда не нужно объяснять, где тебе щекотно или приятно. Когда взгляд важнее прикосновения, а тишина многозначительней слов.

Близость начинается задолго до постели. В том, как он приносит тебе кофе в постель. Как слушает тебя, да и слушает ли. В том, как замечает, что ты устала, и заботится о тебе. И если этого нет, всё остальное становится пустой хореографией. Механикой. Имитацией близости.

А настоящее... оно не кричит. Оно дышит вместе с тобой.

– Эмма, ты лучшая... Каждый раз с тобой как сверхновая... Я сейчас... Да, двигайся так, детка...

Я не попеваю за Маратом, что случается нередко, но это и не страшно. Главное не финал, а процесс.

– Детка, ты ошеломительная, как всегда, – выдыхает он, тыльной стороной ладони стирая пот с лица. – Кинь мне футболку!

Как обычно, мы раздевались в спешке. Страстной, торопливой, почти не замечая, где что оставляем. Одежда Марата теперь валяется по всей комнате: футболка у изножья кровати, джинсы у двери. Я поднимаю его футболку, кидаю ему, и он вытирает ею лицо.

Беру его джинсы, собираюсь повесить на спинку стула, когда из кармана выпадает маленькая чёрная коробочка. Бархат. Классическая. По размеру как раз для кольца.

Замираю в изумлении. Во мне стремительно нарастает сладкое предвкушение счастья... Неужели?..

Поднимаю глаза на Марата. Вопросительно изгибаю бровь. Изо всех сил сдерживаю ликование, которое буквально распирает меня изнутри.

Он молчит. Лицо будто стёрто: ни удивления, ни радости, ни страха. Только глухое, непроницаемое молчание.

Открываю коробочку – и ахаю.

В ней золотое кольцо с бриллиантом такого размера, что перехватывает дыхание. Стоит дороже, чем моя однушка. Намного дороже.

Такие дарят на помолвку самым любимым и драгоценным женщинам.

Внезапный восторг ударяет в лицо жарким румянцем. Сердце гулко, отчаянно стучит, словно вот-вот выпрыгнет из груди.

Мы вместе всего четыре месяца, но я люблю Марата, в этом не может быть сомнений. Да, мы из разных миров и слоёв общества. Он из богатой семьи и привык жить на широкую ногу, а я считаю каждую копейку.

Но разве это преграда для настоящей любви?

Марат по-прежнему молчит, и я не выдерживаю.

– Это... то, о чём я думаю? – спрашиваю почти шёпотом. Голос срывается, в нём дрожат слёзы – от восторга, надежды... и страха. От какого-то странного, неприятного предчувствия.

Марат колеблется, молчит ещё несколько секунд. Потом, будто нехотя, кивает.

– Да, это кольцо на помолвку. Но...

Встаёт с постели. Не спеша. Как есть, совершенно голый подходит ко мне. Прикасается к моему лицу. Мягко, нежно. Этот жест вдруг кажется до боли фальшивым.

– Детка... ты только не расстраивайся, – говорит с той самой интонацией, которую обычно используют, когда лгут. – Это кольцо не для тебя. Мне пора жениться. Родители уже давно всё решили и нашли подходящую девушку из нашего круга. У её семьи нужные связи, они серьёзные люди. Это... нужно для бизнеса, понимаешь? Ничего личного.

Я не двигаюсь, даже не дышу. Марат продолжает, как будто торопится сгладить впечатление от сказанного.

– Ты не думай, я тебя не бросаю. Между нами ничего не изменится, слышишь? Ты же знаешь: для меня нет никого дороже тебя. Я тебя люблю, Эмма. Ты ведь об этом знаешь, да?

Марат смотрит в мои глаза, ищет в них прощение и понимание. И согласие продолжать наши отношения, как будто ничего не случилось.

А я чувствую, как мир под ногами медленно трескается.

И я тоже трескаюсь.

Без крика, без истерики.

Просто ломается что-то глубокое. Необратимо.

2. Сложно

Представьте большой красивый диван.

Представили? А теперь уменьшите его наполовину, так, чтобы зад едва помещался на сиденье, и попробуйте на него лечь.

У вас-то может и получится, а у меня – увы, нет. Я так устала, что засну хоть на проезжей части в час пик, однако не позволю себе отключиться, пока не пристрою главную часть моего тела – пузо. Раньше в сестринской стоял другой, раздолбанный диван, покрытый пятнами кофе и... лучше не знать, чего ещё. Зато тот диван был огромным, как раз для моего нынешнего очень беременного состояния. На том диване было удобно и хорошо.

А теперь появилось это чудо модного дизайна. Коричневый диван, не иначе как подобрали под цвет кофе, чтобы скрыть пятна. Спинка высокая, а лечь почти не на что, хоть опрокидывай его и ложись на другую сторону. Однако я слишком беременна для такой акробатики.

Лежать на спине на моём сроке трудно, ребёнок слишком большой. Поворачиваюсь лицом к спинке дивана, придвигаюсь вплотную и вдыхаю синтетический запах. С дивана свисает мой тыл, вот-вот перевесит, и я грохнусь на попу под радостный смех коллег. Вздохнув, поворачиваюсь на другой бок. Теперь с дивана свисает живот. Самая важная часть тела, ничего другого настолько ценного во мне нет.

С силой толкаюсь назад, пытаюсь уместиться. Дышу, как столетний курильщик, потею, а толку никакого: живот по-прежнему свешивается с дивана.

И так каждый раз.

Я размером с океанский лайнер. Как минимум.

Девяносто шесть процентов меня – это живот, три процента – мозг, а остальное – жалкая человеческая оболочка, переполненная эмоциями.

Я очень устала, целую смену провела на ногах. Мне бы хоть на десять минут прилечь, и станет полегче. Осталась пара дней – и всё, заслуженный отдых. А пока я хватаюсь за любые дежурства, подработки – всё, что позволят делать беременной медсестре, только бы подзаработать перед рождением малыша. Благо чувствую себя хорошо, только устаю.

– Мне вот что интересно: ты вроде женщина неглупая, образованная, но при этом уже которую неделю пытаешься уместиться на этом дурацком диване. Ты что, не дочитала в учебнике главу про беременность? Твой живот у-ве-ли-чи-ва-ет-ся со временем. Ты и месяц назад на диване не умещалась, а сейчас и подавно.

Маруся добродушно хихикает. Мы вроде как приятельницы, но сейчас она вызывает у меня только раздражение. Тоненькая, как пруттик, ловкая, гибкая, легко поднимается на ноги и идёт ко мне летящей походкой. Будто назло красуется. Как вернусь в свою исходную форму, тогда снова будем дружить.

Однажды я тоже была стройной, да и на лицо не уродина, а теперь страх один, на что похожа. Веки отекли, пигментные пятна на скулах, под глазами тёмные круги от недосыпа. А живот... выгляжу так, словно съела себя бывшую.

Тянусь к стулу, чтобы хоть как-то поддержать моё пузико.

– Эмма, ну скажи, что с тобой не так, а? – вздыхает Маруся. – Кряхтишь, пыхтишь, но скорее грохнешься на пол, чем попросишь о помощи. Самой тебе до стула не дотянуться, и ты об этом знаешь.

Знаю, но каждый раз пытаюсь, потому что привыкла всё делать сама. Жизнь научила ни на кого не полагаться, потому что подведут.

Подведут и предадут.

Маруся пододвигает стул вплотную к дивану, и мы в четыре руки аккуратно укладываем на него мой ценный живот.

– Отдыхай, гордячка толстопузая! – хихикает Маруська. – Только долго поспать не удастся. Сейчас народу набегит.

– Да мне бы пять минут полежать, и буду как новенькая. – Прикрываю глаза и слышу тихий смех Маруси.

– Ох, Эмма, дурында ты! Нашла бы мужика вовремя, пока срок был маленький...

Может, я и дурында, но с Марусей не согласна. В моём понимании «вовремя» найти мужчину – значит до зачатия, а не после. Чтобы он и был отцом ребёнка. И очень желательно, чтобы отпрыск был ему в радость, и мы стали счастливой семьёй.

А Марат... про него вообще думать противно.

3. Больно

Ох, и умею же я выбирать мужчин!

Узнав о предстоящей свадьбе Марата, я, разумеется, отказалась с ним видаться. Проще говоря, выгнала его, как последнего мерзавца. Он умолял, уговаривал, обещал всё что угодно, только бы я согласилась ничего не менять в наших отношениях. Пытался купить меня вниманием, подарками, красивыми словами. Но я стояла на своём, как скала.

Больно было невыносимо. Я выла по ночам в подушку, выживала на упрямстве и гордости. Назад дороги не было, я её сожгла собственными руками.

Пока вдруг не выяснилось, что я беременна.

Тогда я, как честная и наивная девушка, сообщила уже тогда помолвленному бывшему моему счастливую и неожиданную новость.

Он приехал на следующий день. Не с цветами, не с вопросами, даже не с испугом, а с мешком денег, чтобы я избавилась от ребёнка и съездила отдохнуть за его счёт в качестве компенсации. Велел мне развеяться и забыть о прошлом.

Он сказал это спокойно, почти заботливо. Будто речь шла не о нашем малыше, а о неудачной покупке, которую можно просто вернуть.

Я, конечно, устроила истерику и наотрез отказалась избавляться от ребёнка. Тогда-то и случилось самое страшное.

У моего горячо любимого мужчины внезапно обнаружились высокие политические амбиции. Любовницу он бы смог без труда спрятать от избирателей, на то у него и связи, и талант красиво врать.

А вот внебрачный ребёнок – это уже совсем другой уровень риска. Ни-ни. Не по сценарию.

Так что в клинику меня тащили без моего согласия и без права выбора. Как проблему, которую нужно быстро и тихо устранить.

Как я оттуда выбралась, лучше не вспоминать. Всё было на грани.

Спас меня тот факт, что мешок денег, заботливо вручённый мне Маратом, всё ещё был при мне. Именно он и стал билетом на свободу.

Взятка – моя единственная защита в тот момент. Благодаря ей я и спаслась. Совала деньги кому попало, истерически умоляя о помощи.

Меня вывели, выпустили. Спасли.

Вот такая история любви.

Грязная и гадкая, как сама правда.

Пусть драгоценная и одобренная родителями жена замучает Марата, запрёт его в клетку и сожрёт его нервы, медленно и с аппетитом. Это будет даже изысканнее, чем любая другая месть.

Пусть она сгрызёт его заживо, и ни один избиратель не заметит, как он осыпается и гниёт изнутри. А потом пусть всё внезапно вылезет наружу и погребёт его заживо.

Вот такая я злая. Не за себя, а за моего малыша.

Вроде я жутко устала после смены, а как подумала о Марате, меня аж подкинуло на диване. И жарко стало.

До окна четыре шага, но, чтобы открыть окно, надо встать, потом снова лечь, устроить живот на стуле... Маруся уже ушла.

Ду-у-ушно. Струйка пота стекает по виску.

Всё. Не могу больше.

Перебирая ногами, придвигаюсь к краю и сажусь.

В этот момент открывается дверь.

– Эмма Михайловна, вы здесь... А почему домой не идёте? – спрашивает заведующая.

– Иду потихоньку. Я судно медленное, грузовое, сами понимаете. Уже почти в декрете.

Открываю окно и с наслаждением пью весенний воздух жадными глотками. Заведующая права. Надо ехать домой, там и выплусь.

– А Мария Вадимовна где?

– Только что вышла.

– Я у себя в кабинете с представителями из области, нам срочно нужна Мария Вадимовна. Постарайтесь её найти! – говорит требовательно.

– Хорошо, бегу, сейчас её найду. – «Бегу» прозвучало с сарказмом, на данный момент я и бег – понятия несовместимые.

Гордым океанским лайнером проплываю по коридору. Завидев меня, коллеги машут и улыбаются. Не мне, а моему животу, поскольку он появляется задолго до меня. Мне бы маленькую тележку, чтобы возить его перед собой. Заодно буду таскать с собой вкусняшки, потому что кушать хочется постоянно.

Марусю я нахожу в процедурной.

– Тебя начальство ждёт, не иначе как трепать будут.

– Да уж не по головке гладить, опять шишка из стопятнадцатой пожаловался. Мне бы в декрет! Отдохнуть от всего этого. Только чтобы мужик был хороший. С деньгами, и чтобы влюбился в меня, и ребёнка хотел...

Маруся уходит. Не замечает, что я не иду за ней следом, поэтом продолжает вслух рассуждать о том, какой мужчина станет хорошим отцом её будущему ребёнку.

Ничего нового и радикального в её словах нет, все мы такого ищем.

4. Важно

С кряхтением отправляюсь в очередной «заплыв», теперь уже к выходу.

Привлекательный молодой мужчина ускоряет шаг, чтобы пройти через двойные двери задолго до меня и не держать их для медленного океанского лайнера. Я всё понимаю: он торопится, и ему не до хороших манер. Да и в коридоре только мы с ним, так что никто не заметит его плохих манер.

Из-за угла появляются женщина с сыном. Мать притворяется, что не замечает меня, а сын лет тринадцати останавливается и придерживает двери, пропуская меня вперёд.

Беременность вытягивает на поверхность всё самое хорошее и самое плохое в людях. Некоторые помогают, поддерживают, даже подкармливают, если я не успеваю в столовую. А некоторые считают меня обузой и всячески испытывают мою выносливость просто потому, что могут. Есть тут один врач, очень любит посылать меня в лабораторию по сто раз на дню, порой без особых причин. Скажет при всех во время обхода: «Сбегайте, Эмма Михайловна!» - и смотрит таким испытующим взглядом. Типа: «Давай, пожалуйста, сдайся. Ты беременная и не тянешь ляжку, как остальные. Выезжаешь на коллегах».

Не на ту напали.

У нас с Николашей договор: мы не сдадимся. Ни за что, как бы нас ни притесняли. Мы сами со всем справимся.

Моего будущего сына зовут Николай. Или Никита. Или Леонид. Я пока что не решила.

Он замечательный парень, всё понимает. Скоро (после рождения!) мы с ним познакомимся и станем лучшими друзьями. А после декретного отпуска я вернусь на работу. Уже присмотрела няню, да и квартиру сняла недалеко от больницы, чтобы забегать домой даже во время перерывов. Буду кормить грудью и привозить сцеженное молоко. Николаша об этом знает, мы с ним часто болтаем о нашем будущем.

Вернее, я болтаю, а он пинается в знак согласия.

Я бы хотела по-другому – сидеть дома с ребёнком несколько лет, жить с любимым мужем, но увы.

Родители у меня замечательные, но папа болеет, а мама ухаживает за ним и помогает моей старшей сестре, у которой пятеро (пятеро!) детей, так что помочь мне никто не может. Живут родители в крохотной однушке в далёком северном городе и очень гордятся умницей и красавицей дочерью, которая уехала в большой город, чтобы сделать карьеру.

Они гордятся мной.

Мы созваниваемся по выходным, и я заверяю их, что у меня всё отлично.

Так и есть.

У нас с Николашей всё замечательно.

Выхожу на улицу и медленнодвигаюсь к парковке.

У меня есть машина.

Это звучит гордо, но выглядит не очень. Заводишь мотор и затыкаешь уши, чтобы не слышать надрывного фыркания. Предсмертная агония мотора, хоть дефибриллятор доставай. Уехавшая в другую страну подруга оставила мне машину в подарок, и с тех пор я гордо прибываю на работу на собственном транспорте. Старая машина означает бесконечные траты, но и польза есть. Намного приятнее ездить на машине, чем в общественном транспорте. Десять минут по шоссе – и дома. А то стояла бы на автобусной остановке, ёжась от холода и постоянных взглядов.

Пусть фыркает и дымится, только бы завелась!

Откашлявшись, машинка помялась, поразмыслила и нехотя повезла меня домой. Десять минут – и я прихвачу вкусностей и устроюсь в тёплой постельке.

Раздумывая о том, что приготовить на ужин, я выезжаю на шоссе. Пробок нет, что удивительно в такое время.

Странное движение на обочине привлекает моё внимание. Вообще-то и обочины толком нет, метр травяного покрова под углом к трассе, и два автомобиля припаркованы кое-как, их двери открыты.

Снижаю скорость, и едущие за мной машины недовольно сигналият и вырываются вперёд.

Смотрю на припаркованные автомобили, вытягивая шею. Любопытно же, что стряслось. Отсюда и возникают пробки – всем хочется посмотреть.

Двое мужчин суетятся, третий из них разговаривает по телефону.

Четвёртый лежит на траве.

В желудке шевелится неприятное ощущение.

Резко выкручиваю руль и съезжаю на несуществующую обочину. Хорошо за мной никто не ехал. Я как предчувствовала, что придётся остановиться, поэтому заранее начала тормозить.

Теперь уже на склоне три автомобиля, причём мой припаркован под самым странным углом. Колёса завязнут в мягкой после дождя земле, и я останусь тут на веки вечные, буду жить на шоссе.

Бегу к мужчинам. Пульс стучит в ушах, Николаша колотит пятками по мочевому пузырю. Видимо мой адреналин хлынул к нему.

– Держись, дружок, мы с тобой должны помочь мужчине, ему плохо.

5. Сильно

Поддерживая живот руками, спешу к пострадавшему. Несмотря на мои несусветные размеры, несусь я бодро, с неожиданной для таких габаритов прытью.

Стоящие на обочине мужчины следят за мной в немом изумлении, кто-то даже открывает рот. Через секунду один из них, опомнившись, кричит в телефон, явно вызывая помощь.

– Да здесь я, здесь... – Быстрый взгляд на меня. – Тут женщина прибежала. Беременная.

– Я медсестра!

Мужчина тут же меняется в лице, из растерянного превращается в собранного и серьезного. Остальные тоже смотрят на меня иначе, с надеждой.

А всё потому, что хоть машин на дороге много, и всем проезжающим наверняка видно, что человеку плохо, остановилась только я.

Наименее подходящая из всех, кто способен оказать первую помощь в данной ситуации.

Потому что очень беременная.

– Он подавился оливкой несколько минут назад, – сообщает один из мужчин. – Долго пытался откашляться, но не получилось, только хуже стало. Он дышит, хотя и с трудом. Мы пытались помочь, хлопали его по спине. Пробовали сделать тот приём, при котором надо кулаком на живот давить, но стало только хуже. А теперь он почти перестал кашлять. Не знаю, хорошо это или плохо.

Плохо, очень плохо.

Пострадавший в сознании. Увидев меня, с трудом поднимается на одно колено, пошатывается. Его рука судорожно тянется к горлу.

Посиневшие губы приоткрыты, будто хочет что-то сказать, но не может.

– Скорая в пути, но на Александровской пробка, – сообщает мужчина, разговаривающий по телефону. И профузно ругается к тому же, как будто это поможет делу или заставит пробку тотчас рассосаться.

– Вы уверены, что он подавился оливкой?

– Да, мы смеялись в тот момент. Я видел, как он взял оливку в рот, а после этого начал давиться, кашлять и показывать на своё горло.

Опускаюсь на колени рядом с пострадавшим.

– Как его зовут?

– Марк.

Зову его по имени, и мужчина поднимает на меня взгляд. Причём какой взгляд! Цепкий, ясный, сосредоточенный... словно пострадавший разыгрывает эту сцену для собственного развлечения.

Никакого страха.

Изумительный взгляд.

А ведь он знает, что может случиться и как опасное его состояние, но сила воли невероятная. Любой другой на его месте бился бы в панике, а он... дышит. Мышцы шеи и груди напрягаются в попытке втянуть крохотную струйку воздуха. Дыхание свистящее, затруднённое.

Быстро осматриваю его.

Встречаюсь с ним взглядом.

– Я сделаю всё возможное, чтобы помочь, обещаю.

Его веки опускаются. Толком не знаю, услышал он меня или нет, да и мои мысли заняты другим.

– Помогите его приподнять!

Один из мужчин скидывает пиджак, и моему взгляду открываются целых две кобуры. Два пистолета... и нож вдобавок.

Он подхватывает Марка подмышки, поднимает и поддерживает, добавляя ему устойчивости.

Подхожу к Марку со спины, придвигаюсь к нему боком, иначе не могу из-за беременного живота.

Мне и самой нужна опора, земля на обочине скользкая и неровная.

Марк висит на руках друга, чуть наклонившись вперёд, обе руки сжаты на горле. Лицо серое. Глаза не смотрят, а будто выталкивают из себя немой крик... а может, и не крик, а требование: «Помоги!»

Он уже не кашляет, еле дышит.

Остались считанные секунды.

Обхватываю его руками. Сжимаю кулак, упираюсь чуть выше пупка.

Другая рука накрывает кулак.

Собираю все силы, мои и Николаши. Малыш мне помогает, он со мной.

Первый толчок сильный, но Марк только сгибается вперёд.

После второго толчка я слышу глухой звук, будто воздух пытается вырваться, но не может.

Напрягаюсь изо всех сил. Вкладываю всю себя в третий толчок, четвёртый, пятый...

После нескольких усилий Марк внезапно начинает кашлять. Судорожно. Хрипло, как будто изнутри что-то отрывается.

Губы по-прежнему синеватые, но грудь вздымается. Судорожно.

Проблема не решена, но что-то сместилось, и он может дышать.

Может жить.

Стою за его спиной, дышу вместе с ним. По инерции продолжаю его обнимать, как будто боюсь, что если отпущу, он снова начнёт задыхаться.

А может, наоборот, держусь за него сама.

Он оборачивается. Лицо бледное, мокрое от пота, но глаза живые, блестящие. И это главное.

Качаю головой и прижимаю его к себе, показывая, чтобы не двигался.

Попробовать ещё раз? Но если сместить оливку не в ту сторону...

Мужчины вокруг суетятся, на их лицах неопишемое облегчение.

Из одной из машин выскакивает водитель.

– Что вам принести?! У меня в багажнике аптечка.

Открывает багажник, в нём какие-то инструменты, мешки... ножи и винтовка. Достает из-под них маленькую стандартную аптечку.

М-да, это мне не поможет.

Снова кошусь на содержимое багажника.

Может, я не так живу? Не к тому готовлюсь? У меня в багажнике никакого оружия, только коврик для занятий йогой и куртка на случай резких погодных перемен.

Наверное, я выгляжу испуганной, потому что один из мужчин вежливо объясняет.

– Мы работаем в охранном бюро.

Мимо проносятся машины, шум невероятный. Мы защищены запаркованной машиной, но всё равно страшно. От всего страшно.

Николаша до этого момента вёл себя на удивление смирно, но сейчас дубасит меня что есть сил, ему явно не нравится передозировка адреналина.

– Спокойно, Николаша, тихо, мой любимый, всё хорошо. Ты вздремни пока, а потом я тебе всё объясню.

– Его зовут Марк, – поправляет один из мужчин.

– Я разговариваю с ребёнком.

В этот момент прибывает скорая.

6. Устало

Иногда в жизни приходится делать то, что надо. Без права на «не уверена» или «страшно».

Ну и что, если страшно? Ну и что, если руки дрожат, а сердце колотится, как у загнанного зверя?

Да, раньше я никогда с таким не сталкивалась, да ещё беременная и в невозможных условиях, на обочине шоссе.

Но кто, если не я?

Давай, Марк!

Мне теперь лет сорок ещё будут сниться кошмары, так уж постарайся, чёрт тебя дерит, выжить!

Дыши, кому сказала!

Кто-то хмыкает. Поворачиваю голову и замечаю, что охранник улыбается.

И только тогда понимаю: я сказала это вслух. Приказала Марку жить.

Теперь всё в чужих руках. Врач, медсестра, аппараты вокруг Марка – всё происходящее словно в тумане.

Я больше не нужна.

Я просто сижу. На обочине, в пыли, на траве.

Глаза Марка открыты, он смотрит на меня. Протягивает ко мне руку, но мне не встать. Да и не подобраться к нему, нет места.

– Всё хорошо, Николаша! Мы с тобой молодцы, – бормочу, поглаживая живот.

– Его зовут Марк! – снова поправляет кто-то, и в этот раз я не спорю.

Один из охранников опускается рядом со мной на траву, о чём-то спрашивает. Вижу, как шевелятся его губы, но в моих ушах нарастает шум. Наверное, из-за проезжающих машин.

Кажется, я всхлипываю, пережитое выходит из меня волнами эмоций.

Хочется плакать от облегчения, потому что Марк жив, а это значит, что не зря мы с Николашей остановились. Не зря рискнули.

Да, мой сын точно Николай. Сильное, ответственное имя. Такой мужчина поддержит свою мать в сложный момент, как сделал сейчас.

Или, может, моего малыша зовут Марк? Сильный, сосредоточенный мужчина, который не испугался даже перед лицом смерти.

Охранник продолжает задавать мне вопросы. Хочет знать, как я себя чувствую, чем мне помочь, что сделать...

Отворачиваюсь, пытаюсь отвлечься. Не хочу плакать. Не хочу показывать слабость после того, как была сильной на глазах у всех. Хочу остаться какой была, ведь я сильная, всегда и во всём сильная.

Некоторые женщины рождены, чтобы быть сильными.

Пожалуйста, можно в следующей жизни я буду слабой?

Так и сижу на траве около шоссе. Дрожу, не иначе как от собственной силы.

В голове вихрь.

Пусть Марк выживет, пусть всё пройдет без осложнений. Пусть он забудет обо мне и об этом происшествии, не хочу сниться ему в кошмарах.

Сейчас прощаюсь и уеду. Куплю курочку в супермаркете, запекую в сметанном соусе, сделаю салат... Будет вкусно и сытно. Потом мы с малышом выпьем на славу...

– Николаша, как насчет курочки?

Меня прерывают, и я не успеваю развить тему еды и отдыха.

Ко мне склоняется фельдшер.

– Какой у вас срок? С ребёнком всё в порядке? После такого стресса вам тоже следует подъехать в больницу на осмотр. Мы редко берём второго пациента в машину, но это особая ситуация, а вы очень бледная. Давайте-ка померяем давление...

Вокруг меня суетятся, задают вопросы, отводят в машину скорой помощи.

Охранник передаёт мне мою сумку, оставляя себе ключи от моей машины. С сомнением смотрит на моё доисторическое средство передвижения и говорит.

– Я пригоню вашу машину к больнице. Если она доедет.

– Спасибо. Её зовут Елизавета.

– Кого?

– Машину. Она девочка, мягкая и чувствительная. Помягче с ней, пожалуйста, иначе она не заведётся.

– Так всегда с женщинами, – бурчит он, уходя.

Меня усаживают, пристёгивают ремнями безопасности.

Марк лежит на носилках, его глаза закрыты. Его интубировали, он под седацией. Лицо уже не серое, как прежде, – порозовело, вернулась жизнь. И губы розовые, живые. Кислород творит чудеса.

С ним всё будет хорошо, теперь я в этом уверена. В больнице ему помогут.

Если бы не мы с Николашей, Марк не дождался бы скорой. Мы его спасли, не дали погибнуть на грязной и узкой обочине шоссе.

Провожу дрожащей рукой по лицу. Только сейчас осознаю, что вместе с ключами от машины охранник забрал и ключи от квартиры, но мысль о возможном ограблении почему-то не пугает. Наоборот, вызывает усталую улыбку. Пусть попытается найти там что-нибудь ценное. Если удастся, я очень удивлюсь.

По прибытии нас засасывает больничная круговерть и не какая-нибудь, а высшего класса. Я никогда не видела такого приёма. Марка встречают не просто как важную шишку, а как минимум – президента. Приёмный покой гудит, медперсонал носится, все на ногах, кто-то кого-то вызывает по рации.

Объяснение только одно: охранники, ехавшие следом за скорой, уже успели позвонить куда надо.

Честно говоря, я даже не в курсе, куда надо звонить, чтобы вызвать такую суматоху.

В том, что Марк важная персона, я и так уже не сомневалась. Однако это уже слишком.

Меня тоже не оставляют без внимания. Осматривают быстро, слаженно, я горжусь нашей больницей. С ребёнком, слава Богу, всё хорошо. А вот моё давление скачет туда-сюда. После такого стресса это неудивительно. Домой меня пока что не отпустят, но покормят, и это хорошо. Сейчас я даже рада больничной еде.

Теперь хотя бы можно немного выдохнуть. Почти.

7. Близко

– Мужчина, которого вы привезли, он кем вам приходится?

Закончив мерить давление, медсестра смотрит на меня с любопытством.

Сонно моргаю. Я только что дремала, поэтому не сразу понимаю, о ком идёт речь.

– А, вы про Марка! Я его не знаю.

Получается странный ответ, но слишком хочется спать, чтобы пояснять дальше.

– Правда, что ли, не знаете? Я спросила, потому что он вроде как очень хорошо вас знает.

Чего только не пишет о вас.

Сажусь на больничной койке, потягиваюсь, пробуждая тело и мысли. Не угадать, который час. Окон в отсеке приёмного покоя нет. Если судить по ощущениям, то кажется, что я никогда в жизни не спала.

– Марк что-то пишет? Он пришёл в себя? – Вспомнив о случившемся, тут же просыпаюсь.

– Да. С ним всё в порядке. Обструкцию удалили, он уже дышит сам, только говорить пока что не может, поэтому пишет. Как очнулся, первым делом потребовал ручку и бумагу и стал спрашивать, где вы и что с вами. Велел быть с вами осторожнее, так как вы беременная.

– Ох, чёрт... Зря он меня выдал! Я собиралась скрыть беременность. – Смеясь, прикрываю руками мой огромный живот.

Медсестра хихикает вместе со мной, но по её лицу видно, что завидует. Такую заботу редко увидишь.

На самом деле мне безумно приятно, что Марк так сильно обо мне беспокоится. Отца моего ребёнка, который клялся мне в вечной любви, совершенно не волнует моё будущее, а посторонний мужчина озаботился, причём так, что этому завидуют окружающие.

Мне нравится имя Марк, оно хорошее и сильное. Мой сын вполне может оказаться Марком.

– Ещё он попросил перевести вас в его палату.

– Это ещё зачем?

– Дескать, вы об этом договорились.

Договорились?

Ну да, я обещала, что буду рядом. Имелось в виду до приезда скорой, а теперь наши короткие и яркие отношения пришли к закономерному концу. Меня ждёт курочка в сметанном соусе, салатик и, будем надеяться, ещё немного сна. Если, конечно, давление перестанет скакать, и меня отпустят домой.

Медсестра интерпретирует моё молчание по-своему.

– Не волнуйтесь, вас не собираются оставлять в больнице. Давление уже в норме, и с ребёнком всё в порядке. Но если не трудно, то навестите, пожалуйста, Марка перед уходом, а то он всех с ума сводит. Каждые пять минут требует сводку о состоянии вашего здоровья и настаивает, чтобы к вам вызвали специалистов.

Мы с медсестрой смотрим друг на друга в неом понимании. Должно быть приятно, когда мужчина так о тебе волнуется и заботится.

Жаль, что этот отдельно взятый мужчина не имеет ко мне никакого отношения. Он просто благодарен за то, что я ему помогла.

Меня отпускают после утреннего осмотра. Собираюсь идти на поиски моей машины, но потом всё-таки сворачиваю и поднимаюсь к Марку. Кажется неправильным уйти, не проведав его и не попрощавшись.

Только захожу в его палату, как он поднимается на постели и требовательно протягивает руку.

Ну... хорошо. Пожмём руки.

Или не пожмём, а будем друг за друга держаться, если ему так удобнее.

Говорить он пока что не может, да и страшно представить как ему больно после всех манипуляций с его горлом. Но при этом держится так строго и независимо, как будто сидит на троне, а не на больничной койке.

Марк отвлекает меня от мыслей, дёргая за руку. Взглядом показывает на своё горло, поднимает один палец, потом два, три и вопросительно изгибает брови.

– Вы спрашиваете, как скоро сможете говорить?

Качает головой и показывает на окно.

– А, поняла. Вы хотите знать, когда вас отпустят. Надо спросить вашего врача, но не думаю, что вас задержат здесь на три дня...

Марк раздражённо закатывает глаза. Понятно. Он имел в виду не дни, а часы. Отпустят ли его через один, два или три часа. Или вообще минуты.

– Наверняка скоро будет обход, и вы сможете задать вопрос врачу.

Марк недовольно поджимает губы. Его определение слова «скоро» явно не совпадает с моим. Ну и ладненько, пойду-ка я домой. Вкусная курочка теперь будет на завтрак, а не на ужин, но торопиться мне некуда. Я обычная смертная, а не великая и неизвестная шишка по имени Марк. У меня в меню курочка, а у него диковинные перепела и заморская икра. Такой мужчина не может себе позволить прозябать в больнице. Надо следить за инвестициями, навещать личные острова в Средиземном море. Он хоть в джинсах, но лоск не скроешь, и ездит на лимузине с баром и с вооружённой охраной не просто так. Оливки он, видите ли, ест в машине. Хотела бы я знать, в чём эта самая оливка плескалась...

– Всего вам доброго, Марк. Выздоровливайте скорее!

В ответ он дёргает меня за руку с такой прытью, что через секунду я оказываюсь сидящей на его постели. Качает головой.

Не отпустит, что ли?!

8. Без слов

– Марк, вы не волнуйтесь, у нас в больнице отличные врачи, о вас позаботятся. – В ответ он щурится и сильнее сжимает мою руку. – Что такое? Марк, что не так?

Показывает на меня пальцем. И что это значит?

– Хорошо, я побуду с вами ещё немного, хотя и не уверена, чем могу помочь.

Он кивает, выглядит глубоко удовлетворённым.

Нажимает на кнопку вызова, и в палату тут же вбегает медсестра. Мы знакомы, но ей сейчас не до меня, она слишком занята важным пациентом.

– Что-то случилось, господин Панин?

Марк показывает на свою кровать, потом на пустое место рядом и на меня. Ну и упрямец! Требует вторую кровать! Думает, я буду с ним жить в палате? Понимаю, у него стресс после случившегося, но всему есть границы.

Медсестра сконфуженно смотрит на меня, как будто ждёт перевода. Я единственная в больнице говорю на языке Марка.

Поворачиваюсь к нему и качаю головой.

– С вами всё будет хорошо, Марк, а мне пора домой.

Он сжимает мою руку почти до боли, беззвучно говорит: «Эмма» и морщится. Имя моё не нравится? А мне его имя очень даже по душе. Подумываю, чтобы так назвать сына.

– О чём он просит? – спрашивает меня медсестра.

Игнорирую вопрос, и тогда Марк садится, берёт со столика блокнот и ручку и начинает строчить.

И строчит.

И строчит.

Мы с медсестрой переглядываемся, ждём.

Пользуясь моментом, разглядываю Марка и пытаюсь угадать, кто он такой, что поставил на уши всю больницу.

Богатых людей много, но здесь что-то другое, большее. Он звезда?

Не красавец, черты лица неправильные, но взгляд цепляет не на шутку. Актёр? Спортсмен?

Я слишком пристально разглядываю Марка, и ему это не нравится. Бросает на меня косой взгляд и хмурится, и тогда я отворачиваюсь.

А он продолжает писать. Может, он известный писатель? Ему только что пришла в голову идея нового бестселлера, и он её записывает, а мы с медсестрой ждём, как дурочки.

Через несколько минут Марк, наконец, вырывает исписанный лист бумаги и отдаёт его медсестре. Та сканирует написанное округлившимися глазами и спешит позвать врача.

Вскоре в палате появляется мужчина средних лет в белом халате. Подходит к Марку.

– Я правильно понял, что вы волнуетесь за свою... спутницу?

Марк кивает и показывает на меня. А я как раз заглядываю в исписанный им лист бумаги в руках медсестры. На нём сочинение на тему: «Что может быть не так с Эммой». Там и стресс, и компрессия живота, когда я пыталась ему помочь, и нехватка питания, и холодная земля, на которой я сидела и могла простудиться. Дальше следует список специалистов, которых следует позвать для меня прямо в палату Марка. Срочно.

М-да... вот я попала. Оказывается, он волнуется не о себе, а обо мне.

Врач вопросительно смотрит на меня, не иначе как просит помощи.

А я-то что могу сделать? Я вообще не знаю Марка!

Вздохнув, сажусь на край его постели.

– Марк, спасибо, конечно, но у меня всё в порядке. Меня осмотрел врач. Со мной и с ребёнком всё хорошо. Я работаю в этой больнице, поэтому могу снова провериться в любой момент. И я сейчас не голодная, уже перекусила. А теперь хочу вернуться домой и как следует отоспаться.

Марк долго смотрит на меня, словно проверяет на честность, потом показывает взглядом на дверь.

Кажется, меня отпускают.

Что ж, здесь наши пути расходятся.

Вздыхнув с облегчением, направляюсь к выходу. У дверей оборачиваюсь, бросаю на Марка прощальный взгляд и показываю ему большой палец.

Марк закрывает глаза и отворачивается.

Я принимаю это за прощание. И благодарность. И всё остальное.

Однако не успеваю уйти, как меня настигает медсестра.

– Эмма, подожди! Тебе велено найти Артёма.

– Кем велено, и кто такой Артём?

– Уфф! – Медсестра закатывает глаза от восторга. – Артём такой мужчина, просто отпад! Бритый наголо, накачанный, в татушках. Смотри не упусти! Он в папаши, может, и не сгодится, зато раз в жизни увидишь настоящий мужской пресс и пощупаешь без перчаток.

По описанию я с лёгкостью опознаю одного из охранников Марка.

Медсестра показывает очередной лист бумаги с царственным указом, чтобы я нашла Артёма.

Хотя искать его не надо, он в конце коридора. Переводит взгляд с телефона на меня.

Значит, уже получил приказ, и от него не скроешься.

– Мне бы ключи от моей машины, – говорю ему, хотя уже знаю, что ответ будет отрицательным.

– Эмма Михайловна, босс велел отвезти вас домой, а машину потом перегоним.

– Спасибо, но мне бы просто получить мои ключи. Я доеду сама.

Хочу принять помощь, но как же трудно! В моей жизни был мужчина, чью помощь я очень хотела принять, но он не предложил. Наоборот, предал меня и чуть не сотворил страшное. И тогда я закрылась. Закупорилась от всех.

Остались только мы с Николашей.

– После такой встряски и больницы лучше самой не ездить, – замечает разумный Артём.

– Вам можно, а мне нельзя?

– Но я не... – Взглядом показывает на мой живот.

– А я животом не рулю, – усмехаюсь.

Артём, конечно, прав, но я не могу позволить себе иллюзий. Мы с Николашей одни, сами по себе. Всё это временное: «Ох, вы устали, садитесь в лимузин... вы проголодались, вот вам икра с оливками...», – это мишура. Обман мне не нужен, потому что завтра утром лимузина не будет, и Артёма с Марком тоже. Останется только реальность.

– Тогда хоть меня пожалейте, – просит Артём. – Если я не сделаю, как босс велит, он мне плешь проест.

Ну, если плешь...

Вздыхнув, признаю поражение.

Я слишком устала, чтобы спорить.

Жду у дверей. Вскоре подъезжает чёрный автомобиль незнакомой марки, наружу выпрыгивает Артём. Помогает устроиться на сиденье, хлопчет, как наседка.

Сажусь в машину и прикрываю глаза от усталости. Чёрт возьми, он прав, я слишком устала, чтобы вести машину.

Мы едем молча, я дремлю, да и Артём не болтает. Только когда мы останавливаемся около моего дома, он говорит.

– Если со мной такое случится, надеюсь, вы будете проезжать мимо.

– Ну... вы теперь знаете, по какому шоссе я езжу. Если подавитесь, сворачивайте туда.

– Улыбаюсь ему и ухожу.

9. Издалека

На следующее утро Марка Панина в больнице уже нет.

— У него свои врачи, — говорит кто-то. — Такая важная шишка у кого попало не лечится. Говорят, освободили целое крыло частной клиники только для него одного. Видела бы ты, какой он важный! Шёл через больницу в семь утра в очках от солнца. В авиаторах, представляешь? А вокруг него охрана, врачи, медсёстры. Пытались усадить его в инвалидное кресло и вывезти к машине, чтобы со всеми удобствами, как положено по регламенту. Марк остановился, приподнял очки и так глянул на толпу — все и умолкли, а самые трусливые разбежались. И не скажешь, что мужик только что пережил дикий стресс и чуть не умер. Выглядит как огурчик, и гонора хоть отбавляй. Король мира, блин! Небось сидит себе сейчас и снова ест оливки, и плевать ему на случившееся.

Не сомневаюсь, что так всё и было. Марк ведёт себя как королевская особа. И характер его я примерно таким и представляла, и требовательность тоже. В инвалидное кресло он по своей воле не сядет. Ни за что! Пока в сознании, всё будет делать сам, а заодно попытается контролировать всё и всех вокруг.

Иногда одного взгляда достаточно, чтобы понять, каков человек и что из себя представляет. А уж в экстремальной ситуации всё становится очевидно, как чёрным по белому.

Могу сказать точно: я никогда не сталкивалась с такими людьми, как Марк Панин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.